

—

Дуань Янь впервые пришел в эту лавку.

«Кузница клана Дуань» располагалась на самом краю восточной части городка. Место было не самым проходным, но для подобного ремесла оживленные торговые ряды и не требовались. Ведь покупка железных орудий или инструментов — дело не минутное и не случайное; чаще всего люди заранее все обдумывают, рассчитывают и лишь потом целенаправленно идут покупать.

Снаружи лавка не казалась большой. У входа висела вывеска с коваными железными кольцами, а над крышей высоко развевался стяг, который можно было заметить издалека. В стене здания, выходившей на улицу, было прорублено огромное окно, через которое прохожие могли видеть горн, кузнечные меха, наковальню и прочую утварь. В обычные дни прямо здесь, на виду у всех, мастера вовсю махали молотами, ковали железо.

Это была рабочая зона кузницы, но улица видела лишь малую ее часть. Основное производство скрывалось за глухими дверями, а видимая часть служила скорее открытой демонстрационной площадкой: если покупатель после приобретения инструмента оставался чем-то недоволен, мастер мог тут же, у него на глазах, внести любые правки.

Чуть дальше по улице располагались широко распахнутые двери самой торговой лавки. Внутри на стеллажах были аккуратно разложены по категориям крестьянские орудия: мотыги, серпы, кирки; повседневная утварь: кухонные ножи, щипцы для углей, дверные кольца, железные котлы;

А также инструменты для ремесленников: долота и рубанки для плотников; полные наборы ножей для мясников; зубила и ломы для каменщиков; весовые гири для торговцев... Словом, любые кованые изделия для коммерческих нужд.

Всего и не перечесать. Пожалуй, в лавке можно было найти абсолютно любую железную вещь, какая только могла понадобиться в повседневной жизни или в ремесле.

Было здесь и то, чем простые обыватели никогда не пользовались, но такие вещи на витрины не выставлялись.

Все эти холодные железные орудия, каждое из которых при желании могло нанести человеку тяжелую рану, громоздились вокруг в огромном количестве, создавая гнетущее, давящее ощущение.

Люди, которые всю жизнь управлялись с этими холодными, жесткими предметами и зарабатывали этим на хлеб, отличались дюжим сложением. Их взгляд напоминал искры, летящие из-под ударов молота, а от них самих за версту веяло густым запахом ржавчины, так похожим на запах свежей крови. Стоит ли удивляться, что обычные горожане испытывали перед ними благоговейный трепет.

Когда троица подошла к кузнице, они не услышали привычного звона молотов, да и в самой торговой лавке никого не оказалось. Для закрытия на перерыв время было еще слишком ранним.

Гоу Сань-эр уверенно повел спутников через пустой торговый зал. Дойдя до самого конца, он

приподнял плотную дверную занавесь, открыл дверь и свернул налево. Перед ними тут же открылся просторный, широкий внутренний двор, по обеим сторонам которого тянулись длинные пристройки — комнат по пять-шесть с каждой стороны.

По планировке эта кузница напоминала обычные городские усадьбы торговцев: лавка спереди, жилые покои сзади. Вот только из-за специфики ремесла общая площадь здесь была в разы больше: торговый зал превосходил размерами любую стандартную лавку, а задний двор и вовсе не уступал хорошему зажиточному поместью.

Прежний владелец тела, будучи местным авторитетом в Яньчжэне, хоть и не являлся главным предводителем, все же оставался весьма весомой фигурой. Если подсчитать все его имущество, то выходил внушительный список.

Помимо большой усадьбы в черте городка и этой огромной кузницы на восточной окраине, он владел тремя фермерскими усадьбами в сельской местности.

Одна усадьба находилась в деревне Лю, где раньше жил Сун Фэнсуй; вторая — в Тяньшуй; а третья — в деревне Сяоянь, откуда был родом сам клан Дуань.

Вот только в настоящий момент Дуань Янь мог по-настоящему рассчитывать лишь на земли в Тяньшуй. Поместьем в деревне Лю прежний хозяин давно не интересовался, полностью переложив управление на Чэнь Ху, и тот за последние два года прибрал там к рукам абсолютно все дела.

Что же касается деревни Сяоянь, то там находилось родовое гнездо кузнеца, где и поныне жили его престарелые родители. Хотя тамошнее поместье в свое время основывал сам кузнец, его отец приложил немало усилий для его расширения, да и большая часть земель юридически принадлежала главе семейства — отцу Дуаню. А поскольку прежний хозяин тела не ладил с родней и без крайней нужды носа в деревню не совал, в деревне Сяоянь всем безраздельно заправлял его отец.

Вот и получалось, что единственным местом, где кузнец мог заявлять свои полные права, оставалось лишь поместье в Тяньшуй.

Для парня чуть старше двадцати лет иметь такое богатство было делом редким. Но помимо личной хватки и силы, главным залогом его успеха все же была поддержка семьи.

Семья Дуань изначально считалась одной из самых богатых и уважаемых в деревне Сяоянь, а отец кузнеца много лет занимал почетную должность старосты всей округи. Прежний хозяин тела смог заполучить монопольное право на содержание кузницы в городке лишь благодаря тому, что его старик, будучи старостой, водил тесную дружбу с тогдашним главой городка и окрестных деревень. Именно отец выхлопотал для него эту золотую жилу, иначе откуда бы у простого деревенского парня взялся такой мощный старт?

К сожалению, прежний кузнец был молод, высокомерен и искренне считал себя исключительно способным. Вдобавок Чэнь Ху без устали пел ему в уши дифирамбы, раздувая его эго и капля за каплей настраивая против семьи, отчего парень окончательно перестал считаться с отцом.

Пока отец Дуань оставался старостой, а его сын был еще зелен, семья как-то удерживала буяна в узде. Но затем случилась беда: отец сорвался в лесу со скалы и сломал ногу. Он долго лечился, чудом встал на ноги, но с тех пор остался хромым.

Пользуясь его болезнью и долгой отлучкой, богатей из соседнего клана Цянь — а именно отец того самого мясника Цянь Сань-эра — подсуетился и отобрал у отца Дуаня должность старосты.

Старик лишился здоровья, потерял власть и впал в глубокое уныние. Но его единственный сын вместо того, чтобы поддержать отца в трудную минуту, высокомерно заявил, что старик одряхлел, растерял всю хватку и отныне должен во всем полагаться на него, молодого и сильного. От таких сыновних речей несчастный отец слег с тяжелой горячкой.

С тех пор отношения между ними испортились окончательно: стоило отцу и сыну сойтись в одном месте, как они тут же багровели от ярости и кричали так, что жилы на шее надувались. Дело шло к тому, что они до самой смерти знать друг друга не пожелают.

— Больше! Опять больше!

— Мать твою, да как опять мелкое?! Признавайся, подкрутил кости?! Ты сегодня у меня все серебро дочиста выскреб!

— Ты просто вина перебрал, глаза заплыли, вот и валишь с больной головы на здоровую!

— Я? Пьян? Да я в жизни такого слова не знал! А ну тащи еще два кувшина, гуляем на полную... О, старший брат!

Еще на подходах к заднему двору издали послышался оглушительный грохот игральных костей, доносившийся со стороны кухни, вперемешку с пьяными криками и бахвальством. Шумели знатно.

Дуань Янь шагнул на кухню и застал там живописную картину: комната была забита грубыми мужиками, которые с голыми торсами столпились вокруг стола. Густой винный угар пополам со шлейфом застарелого пота порождал кислую, удушливую вонь.

Прямо у очага в этот момент развлекались четверо. Один из них — Чжан Ван, тот самый парень, что с заплетающимся языком требовал добавки алкоголя; он в основном присматривал за торговым залом и продавал инструменты.

Рядом сидели Те Да и Те Эр (Да, □ - старший, Эр, □ - второй) — братья-близнецы, невероятно могучего сложения, с огромными, бычьими глазами навывкат. Вид у них был на редкость свирепый и пугающий, но умом они не отличались — мыслили прямолинейно и туго. Обычно всю тяжелую работу у наковальни выполняли именно они.

И четвертым среди них был Ван Цюань.

— Как это старший брат решил заглянуть к нам в такой час? Ты обедал? Давай велю на кухне нарезать курицу или утку, попируем! Брат Ху сегодня утром пригнал целых три телеги зерна из Тяньшуй, а заодно привез жирных кур, уток да кроликов, все как на подбор, упитанные!

Заметив вошедшего Дуань Яня, кузнецы на секунду притихли, но тут же, как ни в чем не бывало, принялись наперебой зазывать его к столу и требовать у кухарки лучших закусок к вечернему застолью.

Очевидно, при прежнем хозяине подобные пьянки и азартные игры в рабочее время были делом обыденным, поэтому подручные даже не подумали спрятать кости или убрать вино, не видя в своем поведении ничего предосудительного.

Дуань Янь едва удержался от того, чтобы сокрушенно не схватиться за переносицу. По своему характеру он органически не переносил подобного распутства и бардака, но помня о необходимости поддерживать привычный образ кузнеца, сдержал первый порыв сорваться на крик.

Он лишь сухо бросил:

— В такой зной сгрудились в душной комнате, самим-то не тошно? От каждого несет как от тухлого болота. Раз уж есть время лакать вино да кости бросать, шли бы лучше на колодец, обмылись.

Услышав это, Те Да, шумно икая, выдал:

— Старший брат, с каких это пор тебе наш запах не угодил? Ты ведь раньше и сам так ходил!

— После смены у горна, когда пот градом льет, выпить чарку-другую — самое милое дело! Наклюкался и брык в постель, даже лицо утирать лень. А наутро просыпаешься, разит как от бочки с квашеной капустой — ух, благодать, истинная сила!

Те Эр тут же подхватил слова брата:

— Настоящий мужик должен быть как наш старший брат — мыться не любить! Вот тогда от него идет правильный, ядреный мужицкий дух!

Шедший следом Сун Фэнсуй при этих словах мгновенно замер на месте и почти инстинктивно перестал дышать.

Его красивые глаза округлились, и он с нескрываемым изумлением и брезгливостью уставился на Дуань Яня.

Почувствовав на себе этот красноречивый взгляд, Дуань Янь ощутил, как спина у него мгновенно взмокла от неловкости. Он выдал из себя:

— Да не было такого...

— Те Да, Те Эр, у вас что, последние мозги в вине утонули?! — Гоу Сань-эр с потемневшим от злости лицом в пару шагов преодолел расстояние до стола и принялся всю кosterить близнецов. — Когда это старший брат так поступал? Сами свиньи ленивые, а как старший брат вам дельное замечание сделал, так вы еще и на него наговариваете!

Воистину, нет ничего хуже глупого человека, который к тому же пытается умничать и поддакивать.

Слова Гоу Сань-эра были слишком обидными, и даже недалекие братья Те поняли, что их мешают с грязью. Поскольку Чэнь Ху давно настраивал их против Гоу Сань-эра, они и в обычные дни ни в грош его не ставили. А уж когда он посмел орать на них при всех, братья мгновенно взвились на дыбы:

— Ты подле старшего брата без году неделя, а уже хвост задираешь! Много ты знаешь о его привычках?!

— Старший брат ноги никогда не моет, носки дай бог раз в три дня меняет! В жару исподнее не носит, хозяйство на воле гуляет! Раз в месяц стабильно требует приготовить ему три порции

бараньих яиц для мужской силы! А уж если берется за пошлые книжонки, то читает исключительно про гэров, и чтобы картинок срамных побольше было... Ты хоть что-то из этого знал?! Кем ты себя возомнил, сопляк, чтобы на нас цыкать?!

В ту же секунду на заднем дворе воцарилась гробовая, мертвая тишина.

Дуань Яню внезапно подумалось, что в человеческой жизни, в общем-то, нет особого смысла.

Та автомобильная авария... Наверное, было бы лучше, если бы он тогда разбился насмерть. Не жить, так и ладно.

А Те Да тем временем продолжал усердно загибать пальцы, выуживая из глубин памяти все новые подробности о привычках Дуань Яня — ему во что бы то ни стало нужно было умыть Гоу Сань-эра и доказать, кто здесь по-настоящему близок к старшему брату!

Его огромный рот без устали выпускал целые очереди смертоносных стрел. И ладно бы эти стрелы летели в Гоу Сань-эра, так нет же — все они до единой насквозь пронзили несчастного Дуань Яня.

Остальные кузнецы в комнате замерли с открытыми ртами, не зная, куда деваться от стыда. И лишь его близнец Те Эр стоял наготове, ожидая, когда у брата закончатся аргументы, готовый тут же подхватить эту пламенную речь.

Однако продолжения не последовало. Эффект от этой речи был такой, словно кулак со всей дури опустился на мягкий хлопок. Когда Те Да замолчал, Гоу Сань-эр лишь растерянно хватал ртом воздух, так и не сумев выдать ни единого слова. Вся комната безмолствовала.

Те Да посмотрел на онемевшего Гоу Сань-эра, ничего не понимая, а затем перевел взгляд на Дуань Яня, чье лицо к этому моменту потемнело и напоминало кусок древесного угля.

— Я... что-то не то сказал?

— Старший брат, ну ты хоть скажи что-то.

Куда там Гоу Сань-эру — в этот момент даже сидевший у стола Ван Цюань готов был на колени упасть перед этим болтуном, лишь бы тот наконец заткнул свой фонтан.

Более сообразительный Чжан Ван осторожно покосился на стоявшего поодаль Сун Фэнсуя, который своей красотой напоминал сошедшего с небес небожителя. В этот миг Чжан Вану больше всего на свете хотелось схватить кузнечный лом, наспех проковырять в земляном полу дыру побольше, чтобы Дуань Янь мог провалиться сквозь землю и спрятаться от этого позора.

Против такой дремучей глупости оказались бессильны любые ухищрения. Даже такой изворотливый малый, как Гоу Сань-эр, окончательно лишился дара речи.

— Что и говорить, истинно преданные братья, — нарушил затянувшуюся зловещую тишину ровный, тягучий голос Сун Фэнсуя. — Замечают каждую мелочь, знают хозяина до последнего волоска.

Произнеся это, он с непередаваемым, многозначительным выражением лица посмотрел прямо на Дуань Яня:

— Прочие ваши... достоинства мы обсуждать не станем. Но вот бараньими субпродуктами ради

мужской силы я бы советовал вам не злоупотреблять. Вместо того чтобы слепо верить в их чудодейственные свойства, лучше бы вам пораньше найти хорошего лекаря да как следует провериться~

Дуань Янь: «.....»

Он закрыл глаза. Все эти бесчинства творил прежний кузнец, но почему позориться и сгорать со стыда приходится именно ему?

—

<http://bllate.org/book/17884/1723243>